

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01. «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» Шарифуллина Вадима Рифатовича «Частно-правовое регулирование».

Актуальность темы диссертационной работы определяется необходимостью разработки теоретико-методологических основ перехода от императивного правового регулирования к диспозитивному регулированию. В условиях формирования правового государства идет активный процесс переосмысления ранее накопленных государственно-правовых знаний для того, чтобы теоретический арсенал правоведения привести в соответствии с современными потребностями общества и личности²¹⁴. Отсюда позитивно утверждение диссертанта о том, что появление в обществе принципиально новых экономических отношений, базирующихся на частной собственности, формирование слоя предпринимателей заставляют по-новому взглянуть на проблему дуализма права, (стр. 3).

Особо следует подчеркнуть, что весьма ценными и полезными являются идеи, позволяющие раскрывать неразрывную связь уровня правового регулирования через правотворчество и правореализацию. Они обосновываются характером и динамикой воздействия норм частного права, предусмотренных ими правовых средств на общественные отношения. Заслуживает поддержки и вывод автора о том, что «определение разумного соотношения публичного и частного правового регулирования является одной из основных и еще окончательно нерешенных задач правовых преобразований в России» (стр. 4). Авторская «концепция стимулирования» в частно-правовом регулировании согласована с рыночными отношениями, охраной и защитой прав лиц в неимущественных отношениях, ограждениями их от любого незаконного вмешательства (стр. 5).

Наряду с другими обстоятельствами, самым значительным показателем, на наш взгляд, новизны диссертационного исследования – это установление закономерности развития частно-публичного регулирования в России (стр. 9). Это выражается в сближении частно-правовых и публично-правовых сфер регулирования,

²¹⁴ См.: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф., Маликов М.Ф. Теоретические основы реализации права. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – С. 4.

правовой активности самих участников регулируемых отношений, автономном характере взаимных прав и обязанностей субъектов деятельности (стр. 11).

На совершенствование правотворчества и правоприменения направлены предложения о необходимости: 1) подчинение поведения субъекта требованиям правовой нормы (стр. 15); 2) понимание интересов законодателя и правоприменителя; 3) развитие общественных объектов при федеральных органах исполнительной власти (стр. 16); 4) сближение частно-правовых и публично-правовых сфер регулирования (стр. 18); 5) введение понятия «локальный нормативно-правовой акт» (стр. 25).

В автореферате некоторые положения, на наш взгляд, нуждаются в уточнении, тем более, что они, видимо, нашли обоснование в диссертации.

В частности, предостережение автора о необходимости обеспечения процесса правореализации в частно-правовой сфере (стр. 4) не ведет ли к ущемлению публичных интересов (стр. 10)? Автор не отождествляет ли понятия : «правовое регулирование» (стр. 11) и «регулирование правом»? Если да, то, видимо, это спорно, так как «правовое регулирование» – это юридическая политика, а «регулирование правом» – это вид правового регулирования²¹⁵.

Верное утверждение о том, что «договор устанавливает меру возможного и должного поведения сторон по их соглашению» (стр. 12) нуждается в согласовании с принципами отдельных отраслей права. В плане «адекватного понимания интересов и волеизъявления» (стр. 15) автору можно было бы рассмотреть, на наш взгляд, интересную проблему о соотношении «воли законодателя» и «воли применителя»²¹⁶. При рассмотрении вопроса о «свободе усмотрения субъектов в частно-правовом регулировании» (стр. 19) тоже, на наш взгляд, встает вопрос о соотношении усмотрения законодателя и правоприменителя²¹⁷. Видимо, несколько неудачно согласован «объект диссертационного исследования» (стр. 6) с объектом исследования, указанным в диссертации. Тем более что данный объект (стр. 6) не согласован с «предметом частно-правового регулирования» (стр. 20).

²¹⁵ См.: Маликов М.К. Проблемы российского конституционализма. – Уфа. Изд. Башкирского ун-та, 1996. – С. 10.

²¹⁶ См.: Маликов М.К. Гносеологические основы реализации права. – Уфа. Изд. Башкирского ун-та, 1998. – С. 54.

²¹⁷ См.: Маликов М.К. Пределы усмотрения правоприменителя: природа, признаки. Уфа. Изд. Башкирского ун-та, 1990. – С. 63.

Важно отметить, что указанные пожелания не опровергают общего положительного вывода о завершенности диссертационного исследования, а наоборот свидетельствуют о важности и новизне исследования²¹⁸.

Маликов М.Ф. –
Зав кафедрой теории и истории
государства и права Института Экономики,
управления и права (г. Казань)

Отзыв

**На автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности 12.00.01.
«Теория и история права и государства; история учений о праве
и государстве» Пермякова Юрия Евгеньевича
«Правовые суждения: основание и юридическая сила»**

Актуальность темы диссертационной работы определяется тем, что любое сообщество людей в интересах своего выживания, существования, функционирования и развития создают органы управления, политической власти и систему права на основе правовых суждений, которые соответствуют степени переосмысления выделенных ценностей. Об этом свидетельствуют существующих теорий, учений, направлений, школ, гипотез, рецепций, тенденций и дифференциации правового регулирования, а также результаты взаимопроникновения современных принципов и норм международных стандартов в правовую систему РФ и ее субъектов²¹⁹. Автор достаточно удачно выбрал направление исследования, рассматривая правовые суждения с общетеоретических оснований правовых норм и институтов (стр. 6).

Комплексность и универсальность выполненной работы заключается в том, что автор опирается на взгляды зарубежных, дореволюционных и отечественных ученых. Критический анализ онтоло-

²¹⁸ Кафедра рекомендует Диссертационному совету Шарифуллину В.Р. присудить искомую степень кандидата юридических наук по специальности 12.00.01. «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». Отзыв обсужден на заседании кафедры теории и истории государства и права Института Экономики, Управления и Права (г. Казань).

Протокол № 4 от 13 ноября 2006 года.

²¹⁹ См.: Коряков В.П., Маликов М.К. Концептуальные проблемы теории и истории государства и права. Изд-е Башкирск. ун-та, 1998. – С. 37; Маликов М.К. Система науки конституционного права. Уфа : РИО Баш ГУ, 2005. – С. 4–5.

гического основания права, концепции естественного права, легитимности метафизического суждения о социальной ценности права (стр. 8–9) позволил диссертанту сформулировать новые выводы и положения относительно юридической техники и выбора той или иной модели правовой политики; взаимоотношения права и государства; институционального обеспечения прав и свобод граждан; методов толкования права; особенностей акта правосудия, как наиболее совершенной формы правового суждения (стр. 10–11). Выводы, сделанные диссертантом, достоверны, так как они способствуют реализации идеи правового государства, в рамках которого осуществляется верховенства права. Они также направлены на исключение правового нигилизма в России, порожденного прежним тоталитарным характером государства.

Заслуживает одобрения стремление автора обосновать собственную точку зрения о ценности права с позиций индивидуальной личности, существование которой первично по отношению к любым социальным общностям и институтам (стр. 11). Следует подчеркнуть, что это и есть исходная база понимания особенности перехода от императивно – нормативного регулирования к диспозитивному регулированию²²⁰.

К достоинству авторских позиций следует отнести также проблемы, связанные с нравственными и моральными основаниями правовых притязаний (стр. 24–25), объектом правовых суждений (стр. 30). Как нам представляется, что они придают новизну логической модели правовых суждений (стр. 31), которая вполне может быть применена, как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности. Что касается содержания отдельных положений автореферата диссертации, то они, на наш взгляд, нуждаются в конкретизации.

В частности, представляется весьма спорным утверждение о том, что существует подчиненность норм правовому суждению (стр. 12). Наверное, автор стремился «обосновать юридическую силу как человеческую способность к подчинению форме правового суждения», что и сделано на стр. 23, автореферата. Но столь категорический вывод нуждается в уточнении. Не менее спорен вывод автора относительно «основания права» (стр. 14). В общей теории права спор об основаниях права имеет свою историю,

²²⁰ См.: Маликов М.К. Концепция государственной власти. Изд-е БашГУ, 1997. – С. 7–8.

поскольку определение основания права связано с содержанием норм права, которые являются основаниями права.

На наш взгляд, несколько неудачно проведено «обоснование принципов обращения с правом, как в аспекте нормотворческой, так и в правоприменительной деятельности» (стр. 17). Видимо, речь идет о толковании норм права. Или же, здесь имеется в виду что то другое? Надо полагать, что в диссертации данное положение находит четкое изложение.

Определенное замечание вызывает признание «методологически ошибочный поиск объективных доказательств наличия трехчленной или двухчленной правовой структуры правовой нормы». По этому поводу есть, конечно, спор. Но в общей теории права преобладает концепция трехчленной структуры норм права.

Может быть, автор имеет в виду уровневую реализацию норм права? Если да, то следует сказать, что в общей теории права исходным положением признается обязательность одновременного применения гипотезы, диспозиции, санкции норм права²²¹. Надо полагать, что в диссертации по данному вопросу авторские позиции выражены более четко.

К сожалению, в автореферате некоторые предложения нуждаются в смысловом согласовании, в частности, утверждение о том, что «теоретические положения о правовых суждениях могут послужить методологической основой концептуализации разнообразных явлений правовой деятельности...» (стр. 17). Здесь, видимо, нуждаются в согласовании понятия: «теоретические положения», «методологические основы», «концептуализация», так как каждый из них имеет свою этимологическое значение. Точно также нуждается в уточнении утверждение о том, что «посредством аксиоматических суждений Конституционного Суда юридическая сила и состоятельность официальных решений могут подлежать проверке на предмет соответствия их метода доктринально сформулированной парадигме правовых суждений» (стр. 33). Видимо, здесь необоснованно отождествляются понятия «суждения», «позиция».

На наш взгляд, логика построения диссертационной работы предполагает анализ таких понятий, как: «правовые суждения» и «правовые притязания», «правовые суждения» и «правовые идеи», «правовые суждения» и «усмотрения» (законодателя и правоприменителя); «правовые суждения» и «правовые понимания», которые

²²¹ См.: Маликов М.К. Гносеологические основы реализации права. Изд-е Башкирск. ун-та, 1998. — С.137–141.

в той или иной мере обсуждаются представителями различных юридических наук²²².

Следует подчеркнуть, что указанные пожелания не опровергают общего положительного вывода о завершенности диссертационного исследования, тем более что некоторые из них либо выходят за пределы исследования, либо они носят спорный характер. Кроме того, они могут быть уточнены при публичной защите диссертации. Как следует из автореферата, по теме диссертационного исследования опубликовано 35 работ, 13 из которых опубликовано в ведущих рецензируемых научных журналах, список которых утвержден ВАК РФ.

Таким образом, положения и выводы диссертационного исследования, содержащиеся в автореферате диссертации, позволяют утверждать, что диссертация Ю.Е. Пермякова представляет собой завершенное и уникальное по замыслу и выполнению. Автор внес личный вклад в восполнение пробелов нормативного регулирования²²³.

Маликов М.Ф. —
Зав кафедрой теории и истории
государства и права
Института Экономики,
Управления и Права (г. Казань)

**Рецензия на сборник «Организация судебной деятельности».
Отв. ред. Г. П. Батуров. М.: «Юридическая литература»,
1977, 176 с.**

Важность теоретического рассмотрения сущности и содержания государственного руководства судами объясняется рядом причин. Прежде всего это обусловлено недостаточной упорядоченностью организационной деятельности органов управления, требо-

²²² См.: Маликов М.Ф. К вопросу о концепции конституционного понимания // Конституционное и муниципальное право. — 2005. № 4. — С. 2—4. Он же. Концептуальные основы конституционного понимания. Уфа. РИО Баш ГУ, 2004. — С.443. Он же. Принцип согласования в многоуровневом правотворчестве// Российское право. — 2005. — №5. — С. 57—60.

²²³ Кафедра рекомендует Диссертационному совету Ю.Е. Пермякову присудить искомую степень доктора юридических наук по специальности 12.00.01. «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». Отзыв обсужден на заседании кафедры теории и истории государства и права Института Экономики, Управления и Права (г. Казань).

Протокол № 3 от 30 октября 2006 года.

ванием разграничения функций судебного надзора и судебного управления, актуальностью правовой регламентации деятельности органов судебного управления.

Организационное руководство судами — одна из важнейших функций Министерства юстиции СССР и его органов. Оно состоит в обеспечении судам всех необходимых условий для отправления социалистического правосудия в точном соответствии с действующими законами.

От ранее изданных работ рецензируемая отличается не только по названию, но и по содержанию. Авторы, объединяя все формы руководства судами (в том числе методы организационного руководства судами и надзора за судебной деятельностью) в одно понятие «судебное управление», совершенно по-новому трактуют порядок измерения «пульса» судебной деятельности как средство оказания «а нее управляющего воздействия». Работа представляет собой комплексное исследование организационно-правовых методов, которые позволяют добиваться единства правоприменительной деятельности органов правосудия и ее соответствия политике общенародного государства.

Такое своеобразие, видимо, и предопределило структуру работы. В гл. 1 отмечается, что в основе организации и деятельности судебной системы должны лежать продиктованные объективными закономерностями социалистического общества принципы. Они должны быть сформулированы для этой системы и закреплены в законе. Вместе с тем закон может и не повторять положений, носящих характер политических идей. Именно в таком двуедином начале усматривается основание для классификации принципов в области организации судебной деятельности и организационного руководства судами (с. 7). Здесь особо подчеркивается неразрывная связь демократических принципов советского правосудия и организационного руководства судами с основным методологическим принципом правовой науки — принципом партийности (с. 13).

В гл. 2 анализируются формы государственного руководства судами. При этом подчеркивается объективное воздействие законодательной деятельности Верховного Совета СССР на устройство и функционирование судебной системы (с. 15). Вполне обоснованны предложения о необходимости совершенствования законодательства в области судоустройства, выделении самостоятельных разделов, посвященных как независимым в своей процессуальной и организационной деятельности системам государственных

органов — суду и прокуратуре, так и органам государственного руководства судебной системой (с. 18).

Деятельность органов судебного управления оценивается как форма государственного руководства судами. Механизм действия судебного управления, факторы, обеспечивающие эффективность организационного руководства судами, подчеркивают авторы, неразрывно связаны с деятельностью других правоохранительных систем, главной из которых является система судебных органов, в том числе вышестоящих судов, осуществляющих судебно-надзорную деятельность (с. 21–34).

Юридической природе нормативных актов судебного управления посвящена гл. 3. Здесь перечисляются условия, которым должны соответствовать акты судебного управления: компетентность субъектов, принимающих и реализующих решения; обеспеченность информацией; обоснованность выбора проблемы и средств ее разрешения; своевременность и соподчиненность решений (с. 42). Проанализировав практику издания актов судебного управления, авторы считают целесообразным издавать их в виде приказов, инструкций, постановлений, положений и рекомендаций (с. 55).

Значительный интерес представляет гл. 4 о критериях эффективности организации и деятельности судебной системы. Эффективность правосудия авторы понимают как соотношение намеченных целей достигнутым результатам. Причем в качестве целей деятельности судов рассматривается не ее социальная роль, а только правовые требования, сформулированные для правосудия в законе. Такой подход позволяет раскрыть качественные свойства социалистического правосудия, эффективность правовых норм, а также отличить их по характеру и по основным показателям.

Особого внимания заслуживает соотношение критерия эффективности правосудия и системы показателей эффективности. Обоснованно признается недопустимым отождествление критериев и показателей эффективности деятельности судов (с. 62). В этой связи актуально утверждение о невозможности определения реального достижения эффективности деятельности судов только на основе знания состояния преступности. Нужно критически оценивать процент судимости в сфере территориальной компетенции суда, процент отмены и изменения приговоров и дел, возвращенных судам первой инстанции на доследование. По мнению авторов, целесообразно также постоянно сопоставлять соотношение обвинительных и оправдательных приговоров, характер назначаемых

в выездных процессах мер наказания с теми, которые применяются за аналогичные виды преступлений в обычных судебных заседаниях (с. 68). Для выяснения действенности правосудия и судебного управления большое значение имеет приведенная в работе методика измерения количественной оценки рассмотрения уголовных дел с точки зрения доказанности обвинения, квалификации преступления, процессуальных нарушений, мер наказания, мотивировки приговора, культуры составления его и протокола судебного заседания (с. 75).

В гл. 5 рассмотрена научная организация труда в судах, в частности, специализация народных судей. Авторы полагают, что специализация допустима лишь при достаточном количестве судей. На основе результатов социологического исследования они рекомендуют внедрить звукозаписывающее устройство в судебном заседании и использовать машинопись для изготовления приговоров в совещательной комнате (с. 128). Однако авторы не указывают на то, кто должен печатать приговор суда: один из судей или кто-то другой. Думается, в случае применения машинописи приговор должен печатать один из судей.

В гл. 6 изучаются организация процессуальной деятельности и другие организационные мероприятия в судах первой инстанции. Авторы высказывают вполне обоснованные предложения о необходимости проведения распорядительных заседаний с вызовом обвиняемых, участием прокурора и защитника, правом прокурора отзывать дело до принятия решения о предании суду (с. 129).

Хотелось бы высказать и несколько пожеланий.

Некоторые проблемы требуют определенной конкретизации, в частности, критерии эффективности правосудия и принципы деятельности судебной системы. По мнению авторов, принципы организации и деятельности судебной Системы служат во всех случаях критерием эффективности судебных решений (с. 5). По своему содержанию это различные категории. Если принципы действуют в качестве руководящих начал и определяют построение судебной системы, то критерии устанавливаются аналитическим и логическим путем. Поэтому критерии эффективности приговора могут рассматриваться не только как достижение его эффективности в данный момент, но и как процесс и результат отражения реальных отношений тождества в установлении истины по уголовным делам и в то же время различий по осуществлению процессуальных функций между органами суда и предварительного следствия.

Нельзя согласиться и с предложением о необходимости освободить председателей народных судов от организационного руководства работой судебных исполнителей, ибо оно противоречит действующему законодательству и природе суда первой инстанции.

Указанные и некоторые другие спорные положения не умаляют несомненных достоинств работы, а лишь свидетельствуют о важности их дальнейшего изучения²²⁴.

Рецензия на монографию И. Л. Петрухина, Г. П. Батунова, Т. Г. Моршаковой. «Теоретические основы эффективности правосудия». М.: «Наука», 1979, 392 с.

Монография представляет собой первое комплексное исследование правовых и методологических основ изучения эффективности деятельности советского суда. В ней предпринята попытка показать то общее и особенное, что должно быть учтено при определении эффективности решений по конкретному обвинению. При этом авторы не повторяют известных положений, а разрабатывают и обогащают теорию эффективности правосудия с использованием в определенной степени доктрины решений в системе социального управления (М. П. Лебедев, Ю. А. Тихомиров и др.).

Говоря о социальном значении правосудия и его цели (с. 17–81), авторы считают, что суд, прокурор, следователь, орган дознания, вынося решения, охраняют социально-политические ценности, к которым относятся общественный порядок, безопасность страны, свобода, честь и достоинство личности, права и интересы советских граждан. Отсюда вытекает, что «цели правосудия и охраняемые в результате их достижения ценности выступают в качестве интегрирующего систему судопроизводства и его гарантий, состоящую из совокупности связанных и взаимодействующих элементов» (с. 50).

Оригинальны выводы об особенностях целей правосудия, о различии между понятиями «цель» и «задача» (с. 56). Особенности цели правосудия в том, что, во-первых, «цели правосудия формируются законами». Причем законодатель произволен в их выборе. Он определяет их на основе научных данных с учетом наличных средств и возможностей. Во-вторых, «цели правосудия включают

²²⁴ М. Ф. Маликов // Правоведение. — 1978. — № 6. — С. 121 — 122.

в содержание правовой нормы, нарушение которой судом влечет применение санкций». В-третьих, цели правосудия «являются правовыми требованиями сегодняшнего дня», т. е. они должны быть достигнуты по каждому делу в полном объеме (с. 51–52). В этом плане цель рассматривается как «результат познания действительных потребностей системы», а задача понимается как «требование (предложение) установить искомые данные на основе исходных данных, путем нахождения нужного алгоритма» (с. 56).

Представляет интерес определение предмета и методов теории эффективности правосудия. В предмет теории эффективности правосудия, входит: 1) разработка общей концепции эффективности правосудия и системы критериев и показателей эффективности правосудия в целом и по отдельным стадиям процесса, 2) изучение системы факторов (гарантий), оказывающих влияние на эффективность правосудия, и степени эффективности правосудия, 3) разработка научно обоснованных мер повышения эффективности правосудия (с. 106–107). Другими словами, предметом изучения является сама деятельность органов правосудия на основе определения эффективности деятельности судов. Это новое направление в науке советского уголовного процесса. Причем изучение комплексных проблем правосудия ведется на основе теории системного объекта и социологических, статистических, математических, экспериментальных, системно-структурных и иных методов познания общественных явлений (с. 104–165).

Заслуживает поддержки системный подход авторов к исследованию проблем измерения эффективности правосудия. Критерии эффективности выводятся из компонентов оптимального правосудия и рассматриваются в двух аспектах: эффективности правосудия в узком смысле и уровня организации правосудия вообще.

В первой группе различаются внешние и внутренние критерии эффективности правосудия. К внешним относится «степень вклада» правосудия по уголовным делам в достижение целей всей системы уголовной юстиции, прежде всего – в искоренение преступности». В качестве внутренних критериев эффективности правосудия по уголовным делам выступают его специфические цели, идеальные или планируемые на определенный период (с. 252). Внешние и внутренние критерии эффективности правосудия в совокупности выражаются: 1) в состоянии законности при осуществлении правосудия и охране прав и законных интересов граждан, участвующих в судопроизводстве (критерий 1), 2) правильном разрешении судами уголовных дел (критерий 2),

3) воспитательном воздействии правосудия на граждан (критерий 3), 4) возмещении ущерба, причиненного преступлением (критерий 4).

Критерии оценки уровня организации правосудия делятся на общие и частные. Общие отражают производительность труда в судах, т. е. время, затрачиваемое в среднем на одну трудовую операцию, и уменьшение издержек на отправление правосудия, т. е. социальную экономию. К частным критериям относятся служебная нагрузка судей, осуществление принципа специализации в судах, соблюдение процессуальных сроков и др. (с. 258).

При определении эффективности уголовного правосудия немаловажное значение имеют показатели действенности судебной деятельности. В работе говорится о требованиях, предъявляемых к показателям качества отправления правосудия. Показатели социальной деятельности (включая правосудие) должны: 1) объективно и полно отражать существенные стороны изучаемого социального объекта, тенденцию его развития; 2) обладать свойствами сопоставимости, сравнимости по регионам и периодам; 3) быть удобными для машинной обработки и анализа; 4) адекватно отражать динамику развития системных объектов и др.

С учетом этих требований рассматриваются показатели эффективности стадии предания суду, судебного разбирательства, контрольных стадий судебного процесса и стадии исполнения приговора. Высказывается мысль о возможности создания системы сопоставимых показателей эффективности правосудия социалистических стран (с. 360–321).

Для определения уровня и характера ошибок, допускаемых в стадии судебного разбирательства, большую практическую помощь окажет приведенная шкала измерения эффективности правосудия (с. 278–279).

В последней главе говорится о судебном управлении, показываются основные направления организационного руководства судами, методы измерения уровня организации судебной деятельности и проблемы научной организации труда в судопроизводстве (с. 340–373).

Привлекает внимание концепция о единстве анализа результатов конкретного судебного разбирательства и работы судьи в целом. Хорошо аргументировано положение о том, что за «показатель общего уровня организаций во всей системе судебных органов можно принять число судей, у которых по годовым итогам работы не было отмены и изменения приговоров» (с. 354). Действительно,

этот показатель отражает, насколько «весомы» для всей массы судебных работников организационные условия их деятельности и личный опыт самих судей при осуществлении правосудия.

Сложность и новизна затронутых проблем предопределили структуру работы и изложение ряда вопросов, в частности, таких, как соотношение понятий «цель» и «задача», «процессуальные условия» и «не правовые гарантии», «ошибка» и «нарушение», допускаемые в стадии судебного разбирательства, «критерии» и «показатели» эффективности и др.

Рассматривая критерии эффективности правосудия, И. Л. Петрухин убедительно показывает влияние конкретных показателей, эффективности деятельности суда на критерии эффективности правосудия в целом. При этом делается теоретически интересный вывод о том, что критерии эффективности правосудия есть интегрированные показатели, что показатель — научная абстракция, выведенная на основе глубокого изучения практики (с. 259–261). Такие утверждения требуют определенной конкретизации. По нашему мнению, при подобном подходе возможно ошибочное отождествление критериев и показателей эффективности правосудия, хотя они имеют самостоятельное значение и первый (критерий) выводится на основе показателей эффективности. Представляется, что те факты (например, квалификация, наказание, решение в приговоре процессуальных вопросов частного характера, возмещение ущерба, причиненного преступлением, и др.), которые, по мнению И. Л. Петрухина, относятся к критериям 1 и 2, не могут быть признаны таковыми, ибо они являются только показателями эффективности правосудия, следовательно, и эффективности приговора в пределах разрешенного обвинения. Поэтому критериями эффективности правосудия выступают неотвратимость наказания и достижение целей правосудия по уголовным делам.

А это значит, что понятие «критерий» шире показателя эффективности. Измерителями критериев эффективности правосудия и приговора являются социально-психологические факторы, т. е. осознание осужденным того, что требует общество, исходя из совершенного преступления, общей и частной превенции. Не случайно постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 28 марта 1976 г. «О повышении уровня осуществления правосудия, в свете решений XXV съезда КПСС» ориентирует суды на более полный учет индивидуализации наказания.

Следует сказать о неполноте шкалы измерения уровня эффективности судебного разбирательства (с. 278–279). В ней не преду-

смотрены обстоятельства, перечисленные в ст. ст. 340–345 УПК РСФСР; не конкретизированы вопросы, разрешаемые в судебном заседании в порядке ст. 303 УПК РСФСР; нет результатов оценки деятельности суда по разрешению ходатайств и оценки доказательств в судебном заседании, а также не подразделены приговоры на обвинительные и оправдательные и определения на решения о возвращении уголовного дела на доследование или возбуждении уголовного дела в отношении новых лиц и др. Без конкретизации таких процессуальных вопросов вряд ли можно выявить процессуальную эффективность уголовного правосудия.

Кроме того, наличие противоречий в сущности отдельных показателей эффективности правосудия и их «весовая» несогласованность требуют дальнейшего совершенствования предложенного шкалирования.

Так, в первом разделе «Доказанность» не доказанность обвинения и обстоятельства, влияющие на квалификацию, ставятся в один ряд, а не исследованности их придается одинаковый вес, хотя и обвинение и обстоятельства, точно так же как недоказанность и не исследованность различаются в порядке формирования и последствиях. В п. 2 раздела «Квалификация» «неправильная интерпретация признаков, существенно не влияющих на квалификацию и меру наказания», предусмотрена как одно целое. Между тем отдельные факты (признаки) уголовного дела не всегда одновременно влияют и на квалификацию и на меру наказания. При определении эффективности судебного разбирательства следует оценить допущенные ошибки в каждом случае и по каждому факту в отдельности. В противном случае трудно выявить влияние процессуальной эффективности приговора на исправление осужденных.

Отмеченные и другие спорные понятия не умаляют достоинств монографии. Она с интересом встречена практическими работниками и учеными-юристами²²⁵.

²²⁵ М.Ф. Маликов // Правоведение. – 1981. – № 4. – С. 98–99.

Рецензия на монографию Л. Надь. «Приговор в уголовном процессе». Пер с венг. М.: «Юридическая литература», 1982. 224 с.

В монографии венгерского правоведа Л. Надь показан демократизм социалистического уголовного процесса, дан анализ развития уголовно-процессуальной науки, раскрыто взаимодействие материального уголовного права и процессуально-правового мышления, рассмотрены основные направления совершенствования общей структуры приговора суда в социалистических странах, подчеркнута ведущая роль законности в этом процессе.

В книге приговор рассматривается с различных точек зрения: социологической, психологической, гносеологической и логической. При этом автор использует конкретно-социологические исследования, что способствует познанию внутренних факторов, влияющих на процесс вынесения приговора, выявлению закономерностей, определяющих его содержание. В работе широко использованы УПК ВНР, действующее законодательство и некоторые литературные источники других социалистических государств. Здесь дана общая трактовка признаков (свойств) приговора (например, законность, обоснованность, мотивированность, справедливость), структурных элементов последнего и порядка проведения совещания судей при вынесении приговора по уголовному телу (с. 155–192).

Л. Надь высказывает ряд положений, обогащающих науку уголовного процесса и теорию решений в области социальных явлений, например: определение понятия приговора (с. 36–40, 148–152), трактовка вопроса об измерении его потенциальной эффективности (с. 24, 35, 41–57, 156), раскрытие характера судебного правосознания (с. 137–148) и оценки добытых доказательств на судебном заседании (с. 59–64, 81–88, 90, 115) исследование соотношения судебного решения по уголовному делу и объективной истины (с. 26, 39, 48, 51, 99, 102, 159), соразмерность наказания тяжести совершенного преступления и личности осужденного как проявление принципа справедливости социалистического права (с. 119–131).

Интересны суждения автора о специфике правосознания судей при вынесении приговора. Правосознание судей, по мнению Л. Надь, отличается целенаправленностью, стремлением установить объективную истину, осознанием права и обязанности принять и обосновать решения по делу, покоятся на уверенности

в своей независимости и самостоятельности, исходит из необходимости брать на себя всю полноту ответственности за законность, обоснованность и справедливость каждого из составляющих приговор решений и всего приговора в целом (с. 9). Мировоззренческой основой правосознания судей социалистических стран является диалектический материализм (с. 16). Исследуя генезис формирования судейского убеждения, автор приходит к выводу, что на него непосредственно оказывают влияние экономические, социальные, политические, правовые, психические и нравственные факторы (с. 44). В результате действия факторов, определяющих общественное развитие, возникает взаимозависимость между конкретными решениями и политикой в области право применения (с. 37). Здесь заложена глубокая мысль о характере уголовно-правовой политики, которая проводится судебными органами. По существу речь идет о том, что «процессуально правовое мышление означает не мышление индивидуума, а идею, результат отражающего действительность общественно-исторического процесса общественного познания» (с. 17). Эффективность того или иного приговора социалистического правосудия, а также его отдельных решений (например, определение срока наказания и вида исправительно-трудовой колонии, возмещение материального ущерба и т. д.) направлена на обеспечение социализации личности.

Рассматривая вопросы соотношения судейского правосознания и эффективности приговора суда, автор приходит к выводу, что для внутреннего убеждения судей по поводу установления фактических обстоятельств дела и определения наказания характерно сознание, соответствующее результату оценки доказательств (с. 92, 102), юридическая же оценка — одна из гарантий объективности правосудия (с. 88). На этой основе делается вывод о том, что «установление фактов и юридическая их оценка развиваются параллельно» (с. 61). Другими словами, оценка доказательств и их источников выступает в качестве условия эффективности обвинительных и оправдательных приговоров.

В книге критикуется утверждение, будто категории абсолютной и относительной истины вообще невозможно применять к процессуальной деятельности судей (с. 102). Л. Надь считает, что обоснованность приговора означает необходимость установления объективной истины (с. 159), а та или иная посылка заключения, служащего основой установления фактов, как естественнонаучная закономерность может выражать абсолютную истину (с. 102). По его мнению, решения, связанные с квалификацией деяния,

установлением виновности и назначением наказания (не касаясь установления фактов, служащих основой этих решений, в отношении которых неизменно выдвигается требование достижения истины), не имеют значения истины (с. 103).

Данный тезис спорен. Истинность приговора суда — это объективно необходимая предпосылка его эффективности. Хотя в отдельных приговорах не достигается абсолютная истина (скажем, при оправдании за недосказанностью участия подсудимого в совершении преступления), правовая квалификация, наказание, как и обстоятельства дела, должны быть истинными. Вместе с тем по делу может быть достигнута и относительная истина. Она выражается в том, что в процессе доказывания не выясняются такие обстоятельства дела, которые не влияют на предмет доказывания, условия формирования преступного намерения и условия, способствующие совершению преступления. Наказание может быть признано истинным и справедливым в том случае, когда оно соответствует объективным обстоятельствам дела, общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, степени его вины, тяжести содеянного. Причем к наказанию относятся не только уголовные, но и другие меры юридической ответственности (например, возмещение материального ущерба, причиненного преступлением). Решение вопроса об уголовной ответственности — существенный момент процесса постановления приговора. До сих пор встречается утверждение, согласно которому этот момент лежит в основе развития задач по принятию решения. Сущность такого подхода в том, что, как правило, установление фактических обстоятельств дела и уголовной ответственности происходит с участием непрофессиональных судей, в то время как саму меру наказания определяют только профессиональные судьи. Такое разделение функций отвергнуто в подавляющем большинстве социалистических стран.

Автор справедливо подчеркивает, что в социалистическом уголовном праве объективное вменение не может иметь места (с. 109). Советское и венгерское уголовное право признают уголовную ответственность только за вину. Фактической предпосылкой уголовной ответственности является установление следующих фактов: юридически значимое деяние совершил именно подсудимый; существует объективная причинная связь между конкретным поведением подсудимого, преступлением, предусмотренным уголовным законом, и наступившими последствиями. Лишь при наличии указанных обстоятельств суд должен приступить к решению вопроса о виновности подсудимого в совершении конкретного преступления (с. 112).

Ряд вопросов структуры уголовно-процессуального доказывания, затронутых в книге, нуждается в дальнейшем развитии. В частности, освещен лишь один элемент доказывания — оценка доказательств. Между тем в разработке нуждаются и такие вопросы, как собирание и проверка доказательств, причем не только в рамках самостоятельных проблем, но и в комплексном исследовании в связи с проблемой социальной эффективности приговора. Необходим более подробный анализ взаимодействия приговора и общественного мнения.

В заключение отметим новаторский характер монографии, синтезирующей важные идеи в области теории эффективности правоприменительных актов в уголовном судопроизводстве²²⁶.

Рецензия на монографию Г. П. Саркисянц. «Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого в суде».
Ташкент: «Фан». 1985. 152 с.

Многие аспекты института законных представителей несовершеннолетних обвиняемых (подсудимых, осужденных, оправданных) не отражены в литературе и недостаточно регламентированы в законодательстве. В связи с этим книга Г. П. Саркисянца заслуживает внимания.

Работа состоит из введения и шести глав. В гл. 1 определяется процессуальное положение законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого. Он признается самостоятельным субъектом уголовного процесса, ибо имеет и самостоятельный интерес в деле. Автор считает целесообразным определить в УПК республик порядок признания лица законным представителем несовершеннолетнего, как это сделано в отношении обвиняемого, защитника, гражданского истца, потерпевшего (с. 32). Заслуживает поддержки и мнение о необходимости специального руководящего разъяснения о применении действующего законодательства об участии законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе, а также введения специальной графы в статистическую отчетность судов (с. 33).

В гл. 2 рассмотрен комплекс вопросов, связанных с участием законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при предании обвиняемого суду: подача им разного рода жалоб, хода-

²²⁶ М.Ф. Маликов // Правоведение. — 1984. — № 2. — С. 106–108.

тайств, вызов законного представителя в распорядительное заседание суда, его участие в решении вопроса о мере пресечения и др. (с. 35–43).

Особый интерес представляет гл. 3. В ней дан анализ норм УПК, регулирующих общие условия судебного разбирательства, в частности равенство прав, участников процесса, обеспечение их участия в судебном разбирательстве, пределы судебного разбирательства, соблюдение установленного распорядка судебного заседания, ознакомление с протоколом судебного заседания, подача замечаний на него и т. п. Убедительно показано, что все перечисленные моменты имеют непосредственное отношение к интересам законного представителя и представляемого им несовершеннолетнего. Рассмотрены различные варианты участия законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в ходе судебного разбирательства: явка в суд, участие в решении вопросов, связанных с явкой других участников процесса, роль, в допросах и иных судебных действиях.

Особенности участия законного представителя в кассационном производстве показаны в гл. 4. Конкретный материал иллюстрирует формы, реализации прав и обязанностей законных представителей в данной стадии. Проанализировано понятие «существенное нарушение закона», аргументируется предложение о введении в кассационную и надзорную инстанции некоторых элементов апелляционного производства.

В гл. 5 «Участие законного представителя несовершеннолетнего осужденного в стадии исполнения приговора» рассматриваются роль законного представителя при решении вопроса об отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему осужденному и задачи, встающие перед законным представителем в случае положительного решения этого вопроса судом.

Заключительная глава посвящена деятельности законного представителя при рассмотрении уголовного дела в суде надзорной инстанции, а также его участию при возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам (с. ISO–ISO).

Таким образом, работа дает целостное представление о процессуальном положении, правах, обязанностях законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого, осужденного, оправданного) во всех судебных стадиях и при исполнении приговора.

Исследование могло бы стать полнее, если бы автор раскрыл формы участия законных представителей при исполнении приговора, в частности по месту жительства на опорном пункте охраны порядка.

Трудно согласиться с предложением о внесении в УПК всех союзных республик прямого указания на то, что участие несовершеннолетних обвиняемых в следственных и судебных действиях должно осуществляться в присутствии их законных представителей (с. 18). На предварительном следствии по делам об изнасиловании или по другим преступлениям, совершенным подростками с особым цинизмом и дерзостью, участие законных представителей вряд ли целесообразно, ибо в их присутствии подросток будет менее откровенен или вообще постесняется рассказать о содеянном. Очевидно, этот вопрос должен решаться следователем, прокурором и защитником, как это предусмотрено законом в отношении участия в допросе несовершеннолетнего обвиняемого педагога (ст. 397 УПК РСФСР).

В ряде мест работа перегружена общеизвестными положениями, излишним комментированием уголовно-процессуального законодательства (например, на с. 131 перечисляются должностные лица, которые в силу закона могут вносить протест на вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда).

В целом же книга восполняет пробел в разработке проблемы участия законных представителей несовершеннолетних в советском уголовном процессе²²⁷.

РЕЦЕНЗИЯ

на рукопись учебно-методического комплекса профессора Маликова М.Ф. «КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ». – Уфа, 344 с.

Представленный вариант учебно-методического комплекса «Конституционное право Российской Федерации» подготовлен на основе авторского варианта учебного комплекса «Методология изучения конституционного права Российской Федерации» в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования.

Как видно из пояснительной записки, цель комплекса заключается в определении закономерностей развития доктрины конституционного права и политической философии государственности для того, чтобы оказать помощь студентам в освоении теории совре-

²²⁷ Л.Л. Каневский, М.Ф. Маликов // Правоведение. – 1987. – № 2. – С. 95–96.